

ОСОБЕННОСТИ ОВЛАДЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ (ФИНСКИМ, ВЕНГЕРСКИМ) ЯЗЫКОМ БИЛИНГВАМИ

Мосина Наталья Михайловна,

*доктор филологических наук, профессор кафедры финно-угорской филологии
ФГБОУ ВО «МГУ им Н. П. Огарёва»
(г. Саранск, РФ), natamish@rambler.ru*

Казаева Нина Валентиновна,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры финно-угорской филологии
ФГБОУ ВО «МГУ им Н. П. Огарёва»
(г. Саранск, РФ), nikazaeva@yandex.ru*

Батина Светлана Витальевна,

*аспирант кафедры финно-угорской филологии
ФГБОУ ВО «МГУ им Н. П. Огарёва»
(г. Саранск, РФ), sool15@yandex.ru*

Введение. В статье исследуются проблемы, возникающие при овладении финским и венгерским языком как иностранным у студентов – носителей родного мордовского (мокшанского/эрзянского) и русского языков, т. е. билингвов. Рассматриваются виды билингвизма, устанавливаются критерии, положенные в основу их выделения. Цель статьи – определить характер и причины возникновения языковых особенностей, случаи проявления интерференции на уровне морфологии, что в дальнейшем укажет на методы и пути разрешения возникающих сложностей при овладении иностранным языком.

Материалы и методы. Фактический материал получен в результате многолетней учебно-педагогической деятельности на занятиях по венгерскому и финскому языкам со студентами филологического факультета Мордовского государственного университета направления подготовки «Филология» профиль «Зарубежная филология: венгерский / финский, английский языки и литературы». В качестве основных методов выступили теоретический (изучение научно-методической литературы по исследуемой проблеме), сравнительно-сопоставительный (при анализе морфологической системы венгерского/финского и мордовских языков), а также методы обобщения и наблюдения, широко применяемые для подобного рода работ.

Результаты исследования и их обсуждение. Проведенное исследование позволило выявить критерии выделения типов билингвизма с опорой на имеющиеся классификации, определить вид мордовско-русского двуязычия студентов рассматриваемой группы. В ходе анализа было установлено, что при изучении морфологической системы финского и венгерского языков в письменной и устной речи студентов-билингвов наблюдается влияние как родного (эрзянского/мокшанского), так и русского языка (при освоении некоторых местных падежей, аккузатива, глагольного управления и др.). Представленные примеры служат доказательством проявления интерференции на разных языковых уровнях.

Заключение. В ходе исследования было установлено, что для студентов-билингвов характерен в основном контактный вид двуязычия, когда постоянно поддерживается связь с носителями как родного (мокшанского/эрзянского), так и русского языка. Зафиксированные явления интерференции указывают на влияние грамматических систем неродного (русского) и родного (эрзянского/мокшанского) языков при овладении студентами-билингвами некоторыми морфологическими структурами венгерского и финского языков. Сделан вывод о невозможности избежать явлений интерференции в процессе обучения иностранному языку на первых этапах обучения. Анализ ошибок, допускаемых обучающимися, позволит определить методы и выработать комплекс заданий, направленных на восприятие конкретного иноязычного материала без использования родного языка.

Ключевые слова: билингвизм; мордовско-русское двуязычие; интерференция; мордовские языки; финский язык; венгерский язык.

Для цитирования: Мосина Н. М., Казаева Н. В., Батина С. В. Особенности овладения иностранным (финским, венгерским) языком билингвами // Финно-угорский мир. 2020. Т. 12, № 3. С. 250–258.

Введение

Необходимое условие для реализации возможностей билингвизма составляют создание и функционирование среды, обеспечивающей погружение человека в

билингвальное языковое пространство, при котором оба языка становятся его неотъемлемой частью. Этот фактор важно учитывать в педагогическом процес-

се, используя потенциал билингвизма при формировании бережного отношения ко всем изучаемым языкам [7; 12].

У термина *билингвизм* (двуязычие) имеется несколько определений. В целом это владение двумя языками и попеременное их использование в зависимости от условий речевого общения; носители двуязычия – двуязычные индивиды (билингвы). Имеются два типа сосуществования языков в индивиде. При первом языки образуют две отдельные системы ассоциаций, не имеющие контакта между собой, две автономные области в мышлении лиц, ставших двуязычными. Лицо, являющееся билингом, не может автоматически переключаться с одного языка на другой, в связи с чем перевод представляет для него трудность. При втором типе языки образуют в уме одну систему ассоциаций, где любой элемент имеет свой непосредственный эквивалент в другом языке, так что перевод не представляет затруднения [9, 314].

Обзор литературы

Большинство исследователей определяют двуязычие как попеременное использование в деятельности разных конкретных языков (У. Вайнрайх [1; 2], А. Е. Карлинский [3], М. Ю. Розенцвейг [8], Л. В. Щерба [9], П. Аристе [11] и др.). Отмечается при этом, что в данном случае языки несут функциональную нагрузку с ограничением функций неродного языка.

Разнообразие определений предполагает существование нескольких видов билингвизма. Критерии их выделения в целом могут быть поделены на три группы [1; 2].

1. Критерии соотнесенности механизмов (механизма родного и иностранного языков) между собой либо наличия одного или нескольких семантических рядов для разных языковых рядов. С учетом данных критериев различаются *координативный* (раздельное существование языков в сознании индивида) и *субординативный* (языки в сознании не разделены); *чистый* (речевые механизмы языков изолированы) и *смешанный* (речевые механизмы взаимодействуют) билингвизм.

Субординативный билингвизм имеет несколько разновидностей: *рецептивный*, *репродуктивный*, *продуктивный*. При рецептивном билингвизме субъект способен понять прочитанные или услышанные им речевые произведения на неродном языке и передать их содержание на родном языке. Репродуктивный билингвизм прослеживается в том случае, когда индивид может воспроизвести высказывания других лиц на том языке, на котором он их воспринял. Продуктивный билингвизм выражается в способности высказывать собственную мысль на разных языках.

При изучении второго языка чаще всего наблюдается субординативный билингвизм, при котором слова второго языка связываются не с системой понятий, а со словами родного языка. Субординативный билингвизм характерен для несвободного владения языком, а координативный – для более высокого уровня. При смешанном билингвизме у носителя языка создается единая понятийная система для двух языков.

2. Критерий, учитывающий способ связи речи на каждом из языков с мышлением. На этом основании выделяется билингвизм *непосредственный*, т. е. бессознательно-интуитивное владение как первичным, так и вторичным языковым кодом, и *опосредствованный*, когда вторичный язык является новой кодовой системой.

3. Критерий наличия или отсутствия языковой среды в процессе овладения языком или в целом пути к овладению языком – бессознательно, прямым методом, с рождения или через сознательное и активное усвоение в более позднем возрасте. Данный критерий позволяет выделить *естественный* и *искусственный* билингвизм.

Когда общение происходит дома на родном языке, а вне дома – на втором, формируется естественный билингвизм. Об искусственном билингвизме можно говорить в случае изучения второго языка вслед за родным.

В сущности, третий критерий является определяющим для всех дальнейших классификаций, поскольку именно

от «происхождения» двуязычия зависят и способ взаимодействия языков в сознании индивида, и опосредованность вторичной языковой системы первичной. Естественный или искусственный билингвизм определяет все остальные виды. Для большинства студентов характерен естественный параллельный билингвизм, т. е. наличие языковой среды в процессе овладения как родным (мокшанским/эрзянским), так и русским языком с рождения.

Как показывают исследования, при взаимодействии в сознании билингва двух языковых систем, мордовской и русской, в доминирующем положении оказывается система русского языка. Родной язык рассматривается в данном случае неоднозначно. Все чаще наблюдается ситуация, при которой индивидуум слабо владеет языком своей национальности, общается преимущественно на русском языке, оставаясь при этом носителем национальной культуры [5; 6]. По-видимому, следует различать понятия «родной язык» и «функционально активный язык». Первое связано с «языком национальной принадлежности», этнической, духовной культурой, происхождением, психологическим складом и т. д. Второе соотносится со степенью употребляемости того или иного языка и применимо в данном случае к русскому языку, который выступает в качестве инструмента реализации межкультурной коммуникации.

При оценке языковой ситуации непосредственно в Республике Мордовия принято говорить о преобладании одностороннего и массового национально-русского двуязычия, а именно мокшанско-русского, эрзянско-русского и татарско-русского, при котором половина всего населения региона говорит на двух языках. Представляется важным знать особенности и механизмы функционирования языков в билингвальном обществе, где один из языков является общегосударственным: в нашем случае – особенности функционирования родного (мокшанского/эрзянского) и русского языков, связанные с возрастом, родом занятий и гендерными различиями носителей.

Материалы и методы

Фактический материал получен в результате многолетней учебно-педагогической деятельности на занятиях по венгерскому и финскому языкам со студентами-филологами Мордовского государственного университета. Основными методами послужили теоретический (изучение научно-методической литературы по исследуемой проблеме), сравнительно-сопоставительный (при анализе морфологической системы венгерского/финского и мордовских языков), а также методы обобщения и наблюдения, широко применяемые для подобного рода исследований.

Результаты исследования и их обсуждение

Как показывают исследования, проведенные учеными университета на основе анкетирования, так называемое переключение языковых кодов (англ. *code-switching*), т. е. переход с одного языка на другой, у билингвов происходит в зависимости от условий общения: в официальной обстановке – один язык, в обиходе или при общении внутри одной семьи – другой. Кроме того, переключение кодов зависит от возрастных и гендерных различий между носителями языка [5; 6]. Так, во время работы русский в качестве языка общения мордовско-русские билингвы до 49 лет используют чаще, чем носители языка 60, 70 лет и старшего возраста. При этом число респондентов, говорящих только на мордовском языке, увеличивается с возрастом (49 лет – 28,57 %, до 69 лет – 46,15 %, 70 лет и старше – 78,7 %) [10; 54].

Особенности проявления двуязычия связаны непосредственно с родом занятий билингвов. Чем выше уровень образования, квалификации труда, тем свободнее происходит переключение языковых кодов: при этом предпочтение чаще отдается русскому языку, из которого извлекается основная информация специального характера. Общение только на мордовских языках составляет около 90 % у неквалифицированных рабочих, свыше 30 – у квалифицированных и свыше 20 % у интел-

лигентов и служащих. Сходная тенденция наблюдается с использованием родного языка при общении с носителями мордовских языков: свыше 90 % у неквалифицированных рабочих, свыше 80 – у квалифицированных и около 70 % у интеллигентов и служащих [10, 60].

Что касается гендерной специфики мордовско-русского двуязычия, то функционирование языков в группах билингов-мужчин и билингов-женщин происходит также по-разному. Для мужчин роль русского языка выше в связи с тем, что большинство из них служили в армии, к пожилому возрасту успели побывать и поработать в разных местах, где используется в основном русский язык. При этом только на мордовских языках на работе общаются около 50 % мужчин и свыше 70 % женщин [10, 74].

Наше исследование проведено на базе ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» со студентами, обучающимися по направлению подготовки «Филология» профилю «Зарубежная филология: венгерский / финский, английский языки и литературы». Все они являются билингвами – носителями родного мордовского (мокшанского/эрзянского) и русского языков, изучающими в качестве третьего языка иностранный финский или венгерский. Количество респондентов составило 11 чел., из которых 6 – носители эрзянского языка, 5 – мокшанского.

Следуя приведенным выше классификациям, определим основные виды двуязычия у рассматриваемой нами группы студентов-билингов. Приблизительно для половины из них (50–55 %) характерен координативный вид, когда владение родным (мокшанским/эрзянским) и русским языками в равной мере свободно. Остальная часть (45–50 %) обладает субординативным видом двуязычия, т. е. владеет русским языком лучше, чем родным. В том же процентном отношении (50–55 % на 45–50 %) в группе двуязычных индивидов выявляется активный (регулярное обращение к мордовским и русскому языкам) и пассивный (преобладание обращения к русскому языку) билингвизм.

В основном исследуемым нами билингам свойствен контактный вид двуязычия, когда постоянно поддерживается связь с носителями как родного (мокшанского/эрзянского), так и русского языка.

Определив таким образом вид мордовско-русского двуязычия студентов-билингов, выявим элементы интерференции, наблюдающиеся при овладении ими иностранным, финским и венгерским, языком в условиях искусственного двуязычия.

В данном исследовании финский и венгерский языки выступают как родственные по отношению к мордовским языкам. Известно, что чем ближе два или более языка, тем в большей мере двуязычный индивид опирается на родной язык в речевой деятельности. Родственные языки, в общем, изучать легче, чем далекие, например английский или немецкий. Однако при этом также происходит интерференция, т. е. ошибки в речи, вызванные использованием средств родного языка. Наблюдается и обратное явление: в письменной и устной речи мокшан и эрзян прослеживается влияние системы русского языка на овладение финским и венгерским.

Известно, что системы мордовских, финского и венгерского языков во многом похожи, особенно это касается морфологического уровня. Как в финском и венгерском, так и в мордовских языках имеется разветвленная система местных падежей. В финском языке их 6 и они подразделяются на внутриместные – инессив, элатив, иллатив – и внешнеместные – адессив, аблатив, аллатив. К местным (пространственным) падежам в венгерском языке относятся 9 падежей, которые делятся на верхнеместные – суперессив, сублатив, делатив: внутренне-местные – инессив, иллатив, элатив; боковые – адессив, аллатив, аблатив. К. Е. Майтинская к пространственным падежам также относит терминатив (предельный падеж) с оформителем *-ig* [4, 140]. В мордовских языках выделяются 5 местных падежей: инессив, элатив, иллатив, латив и пролатив; в отличие от финского и венгерского деление на внешнеместные, внутриместные и боковые падежи отсутствует. В большинстве

случаев значения финского, венгерского и мордовских местных падежей совпадают, хотя есть и различия. Похожи и суффиксы местных падежей (особенно в финском и мордовских языках), ср.: инессив финского языка – *-ssa/-ssä*, инессив эрзянского/мокшанского языка – *-co/-сэ, -ca/-ца*; элатив финского языка – *-sta/-stä*, элатив эрзянского/мокшанского языка – *-cto/-смэ, -cta/-цта*.

Студенты-билингвы с определенной легкостью усваивают формообразование и значения местных падежей финского и венгерского языков, опираясь при этом на родной эрзянский/мокшанский язык, проводя параллели и находя в нем эквиваленты для финских/венгерских конструкций с местными падежами. Наоборот, у студентов, чей родной язык – русский, эта тема всегда являлась наиболее трудной для освоения в связи с отсутствием разветвленной системы местных падежей в русском языке.

В качестве примеров приведем общие значения внутриместных падежей в финском, венгерском и мордовских языках.

Инессив финского, венгерского, эрзянского, мокшанского языков выражает значение нахождения, пребывания в чем-либо, внутри чего-либо, во внутренней части предмета.

Иллатив финского, венгерского, эрзянского, мокшанского языков обладает семантикой движения во внутреннюю часть чего-либо или во что-то.

Элатив финского, венгерского, эрзянского, мокшанского языков обозначает движение из чего-либо, из внутренней части предмета, откуда-то.

Было установлено, что у исследуемых респондентов-билингвов в процессе изучения группы местных падежей финского и венгерского языков возникают следующие сложности: 1) при переводе конструкций как на родной (мокшанский/эрзянский), так и на русский язык; 2) при составлении конструкций с местными падежами на финском и венгерском языках; 3) при воспроизведении финских и венгерских конструкций, содержащих формы местных падежей. Выявленные и зафиксированные ошибки в их речи, связанные

с интерференцией на морфологическом уровне, можно разделить на две категории.

1. Влияние грамматической системы неродного при этом функционально активного русского языка. Зафиксировано при воспроизведении финских конструкций, содержащих формы местных падежей. Отсутствие дифференциации значений некоторых местных падежей:

фин. **Kotiin tein kotitehtävät* вместо *Kotona tein kotitehtävät* ‘**Дом** сделал домашнее задание’. В предложении ошибочно употреблена иллативная форма *kotiin* ‘домой’ вместо инессивной *kotona* ‘дома’;

фин. **Menin yliopistossa* вместо *Menin yliopistoon* ‘Пошел в университет’. Предложение содержит инессивную форму *yliopistossa* ‘в университете’ с глаголом движения *mennä* ‘идти’, имеющим иллативное управление: *mennä yliopistoon* ‘в университет’;

фин. **Lähdin kaupassa* вместо *Lähdin kauppaan* ‘Отправился в магазин’. Ошибочно употреблена инессивная форма *kaupassa* ‘в магазине’ с глаголом движения *lähteä* ‘отправляться’ вместо иллативной формы *kauppaan* ‘в магазин’;

фин. **Ostan ruokaa kaupassa* вместо *Ostan ruokaa kaupasta* ‘Покупаю еду в магазине (букв.: из магазина)’. Финский глагол *ostaa* и эрзянский *рамамс* ‘покупать’ в обоих языках имеет элативное управление: фин. *ostaa jostakin*, эрз. *рамамс косто-буми* ‘покупать откуда-то’. Студентом употреблена конструкция с инессивом, т. е. ‘покупать где-то’;

венг. **Nem értek matematikában* вместо *Nem értek matematikához* ‘Я не разбираюсь в математике’. Студентами вместо венгерского аллатива (*-hoz/-hez/-höz*), которого требует глагол *érteni* ‘понимать, знать толк, разбираться’, использован инессив (*-ban*). При переводе данного предложения на эрзянский и мокшанский языки также употреблен инессив вместо иллатива, по значению сходный с венгерским аллативом: **Мон а чарькодян математикасо* вместо *Мон а чарькодян математикас*.

Следующее явление наблюдается в приведенных ниже примерах с глаголами финского языка *unohtaa*, эрз. *стувтомс*,

мокш. *юкстамс* ‘забывать’; *jäädä* эрз. *кадовомс*, мокш. *лядовомс* ‘оставаться’; *jättää* эрз. *кадомс*, мокш. *лядомс* ‘оставить’, имеющими во всех рассматриваемых родственных языках иллативное управление (например, фин. *jäädä johonkin*, эрз. *кадовомс козоньгак* ‘букв.: остаться куда-то’; фин. *jättää johonkin*, эрз. *кадомс козоньгак* ‘букв.: оставить (что-то) куда-то’):

фин. *Jäämme yliopistoon* ‘Останемся в университете (букв.: в университете)’. Перевод на эрзянский язык: **Минь кадовтано университетсэ* вместо *Кадовтано университетс*. Перевод на мокшанский язык: **Минь лядтама университетса* вместо *Лядтама университету*. По аналогии с русским языком употреблена инессивная форма вместо иллативной;

фин. *Jätimme koiran kotiin* ‘Оставили собаку дома (букв.: домой)’. Перевод на эрзянский язык: **Минь кадынек кисканть кудосо* вместо *Минь кадынек кисканть кудос*. Перевод на мокшанский язык: **Минь кадоськ пинеть кудса* вместо *Минь кадоськ пинеть кудци*. Респондентами употреблена по аналогии с русским языком инессивная форма;

фин. *Unohdin avaimet työhön* ‘Забыл ключи на работе (букв.: на работу)’. Перевод на эрзянский язык: **Мон стувтын панжомам роботасо* вместо *Мон стувтын панжомам роботас* / *важсодема таркас*. Перевод на мокшанский язык: **Мон юкстайне ключень роботаса* вместо *Мон юкстайне ключень роботас*.

2. Влияние грамматической системы родного (эрзянского/мокшанского) языка. Проявляется при переводе конструкций с мокшанского/эрзянского языка на венгерский и финский языки и наоборот.

Влияние родного языка прежде всего прослеживается в ходе изучения финского аккузатива и партитива и венгерского аккузатива при выражении объекта действия и проявляется в том, что студенты-билингвы опускают показатели объектных падежей (финский аккузатив – *-n*, партитив – *-ta/-tä*, венгерский аккузатив – *-i* при выражении объекта действия как неопределенного, так и определенного объекта):

фин. **Luen kirja* вместо *Luen kirjaa* ‘Я читаю книгу’; **Katson televisio* вместо

Katson televisiota ‘Я смотрю телевизор’; венг. **Olvosok egy könyv* вместо *Olvosok egy könyvet* ‘Я читаю книгу’ (эрз. *Ловнан книга*; мокш. *Морафтан книга*);

фин. **Näin uusi talo* вместо *Näin uuden talon*; венг. **Látom az új ház* вместо *Látom az új házat* ‘Вижу новый дом’ (эрз. *Нейса од кудонть*; мокш. *Няйса од кудть*) и др.

Данный факт можно объяснить тем, что в мордовских языках аккузатив не выделяется как отдельный падеж и выражение прямого объекта/дополнения не всегда маркировано (не имеет отдельного показателя): эрз. *Моратано моро*, мокш. *Моратама мора* ‘Поем песню’.

Интерференция проявляется и в некоторых других случаях, в частности при переводе с родного (эрзянского/мокшанского) языка на венгерский. Так, предложение *Простятано мартонзо* (эрз.) / *Працатама мархтонза* (мокш.) ‘Попрощаемся с ним/ней’ студенты-билингвы переводят конструкцией **Búcsúzunk vele* вместо *Búcsúzunk tőle*, используя местоимение в форме инструменталиса-комитатива *vele* ‘с ним/ней’ вместо аблатива *tőle* ‘от него/нее’, которого требует венгерский глагол *búcsúzik vkitől/vmitől* ‘букв.: прощаться, проститься (уйти от кого-либо/чего-либо)’.

Предложение *Тонавтницясь поздась лекцияс* (эрз.) / *Тонафнись поздазе лекцияс* (мокш.) студенты переводят на венгерский язык следующим образом: **A diák elkesett az előadásra* вместо *A diák elkesett az előadásról* ‘Студент опоздал на лекцию (букв.: с лекции)’. В данном случае под влиянием родного языка употреблена форма сублатива с суффиксом *-ra (-re)*, которая совпадает с основным значением латива в эрзянском языке при ответе на вопрос «куда?». Глагол *elkesik* ‘опоздать, опаздывать’ в венгерском языке требует делатива (*-ról/-ről*).

Интерференция на уровне морфологии наблюдается при передаче предложения *Мон якан паркка* (эрз.) / *Мон шарондан парккува/паркка* (мокш.) на венгерский язык, когда студенты стараются подстроить конструкцию венгерского языка под «аналогичную», имеющуюся в родном языке: **Sétálok a parkon* вместо *Sétálok a parkban* ‘Я гуляю по парку’. В воспроизведе-

нии венгерского предложения билингвами использован суперессив (*park-on* ‘по парку’), в то время как в данном случае следует употребить инессив (*park-ban* ‘в парке’).

Конструкции с глаголом эрз. *кемемс* / мокш. *кемамс* ‘верить’ (*кемемс изнямос* / *кемамс сяськомати* ‘верить в победу’) студенты ошибочно переводят на венгерский язык с помощью датива (*-nak/-nek*) или иллатива (*-ba/-be*), которых требует данный глагол в мордовских языках: **Bízik a győzelemnek/ győzelemben* вместо *Bízik a győzelemben* ‘букв.: верить, надеяться в победе’. В венгерском же языке, как видно из примера, глагол *bízik* имеет инессивное управление (*-ban/-ben*).

Заключение

Отмеченные языковые явления указывают на влияние неродного для билингвов, однако функционально активного русского языка на овладение иностранным, в данном случае дальнородственными финским и венгерским, языком. Это влияние выражается, в частности, в отсутствии у мордовско-русских билингвов дифференциации значений местных падежей изучаемого

языка, вызванном отличием систем местных падежей изучаемых и родного языка.

Представленные примеры с проявлением интерференции на морфологическом уровне – лишь малая часть всех зафиксированных ошибок в письменной и устной речи студентов, которых невозможно избежать на первых этапах обучения. Интерференцию можно также наблюдать в фонетике, синтаксисе и семантике [6]. Анализ ошибок позволяет выявить характер и причины возникновения языковых особенностей, случаи проявления интерференции, что в дальнейшем укажет на методы и пути разрешения сложностей, возникающих при овладении иностранным (финским, венгерским) языком.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

<i>англ.</i> –	английский язык
<i>букв.</i> –	буквально
<i>венг.</i> –	венгерский язык
<i>мокиш.</i> –	мокшанский язык
<i>наст. вр.</i>	настоящее время
<i>усл. накл.</i> –	условного наклонения
<i>прош. вр.</i>	прошедшее время
<i>усл. накл.</i> –	условного наклонения
<i>фин.</i> –	финский язык
<i>эрз.</i> –	эрзянский язык

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. Вып. 6. Языковые контакты. Москва, 1972. С. 25–60.
2. Вайнрайх У. Языковые контакты. Киев: Вища школа, 1979. 263 с.
3. Карлинский А. Е. Основы теории взаимодействия языков и проблема интерференции: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Киев, 1980. 48 с.
4. Майтинская К. Е. Венгерский язык. Ч. 1. Введение. Фонетика. Морфология. Москва: Изд-во АН СССР, 1955. 305 с.
5. Мосин М. В., Водясова Л. П., Мосина Н. М., Чинаева Н. В. Дидактический потенциал билингвизма в обучении иностранному языку // Интеграция образования. 2017. Т. 21, № 4. С. 751–764. DOI: 10.15507/1991-9468.089.021.201704.751-764
6. Мосина Н. М. Эрзянская речь детей от 3 до 7 лет (морфологический и синтаксический анализ): моногр. Саранск: Тип. «Крас. Окт.», 2002. 236 с.
7. Налдеева О. И., Водясова Л. П. Формирование ценностного отношения к национальным языкам и литературе в полиэтническом регионе // Гуманитарные науки и образование. 2016. № 4 (28). С. 67–72. URL: https://www.mordgpi.ru/upload/iblock/fc8/4_28_-_oktyabr_dekabr_.pdf (дата обращения: 16.07.2020).
8. Розенцвейг В. Ю. Основные вопросы теории языковых контактов // Новое в лингвистике. Вып. 6. Языковые контакты. Москва, 1972. С. 5–25.
9. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1974. 427 с.
10. Языковая ситуация и языковая политика в Республике Мордовия: моногр. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2011. 190 с.
11. Ariste P. Lastekeelee semasioloogias // Eesti Keel ja Kirjandus. 1941. № 3. Lk. 200–206.
12. Vodyasova L. P. The development in students concepts of language aesthetic ideal while studying stylistics // Modern science. 2017. № 7. P. 132–134. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29908051> (дата обращения: 16.07.2020).

Поступила 24.07.2020, опубликована 26.10.2020

FEATURES OF ACQUIRING A FOREIGN LANGUAGE (FINNISH, HUNGARIAN) BY BILINGUALS

Natalya M. Mosina,

*Doctor of Philology, Professor, Department of Finno-Ugric Philology,
National Research Mordovia State University
(Saransk, Russia), natamish@rambler.ru*

Nina V. Kazaeva,

*Candidate Sc. {Philology}, Associate Professor,
Department of Finno-Ugric Philology,
National Research Mordovia State University
(Saransk, Russia), nikazaeva@yandex.ru*

Svetlana V. Batina,

*Post-graduate student,
National Research Mordovia State University
(Saransk, Russia), sool15@yandex.ru*

Introduction. The article examines the problems arising in the acquisition of Finnish and Hungarian as a foreign language among students who are native speakers of the Mordovian (Moksha or Erzya) and Russian languages, i.e. bilinguals. The work examines the types of bilingualism, identifies the criteria underlying them. The purpose of the article is to identify the nature and causes of the appearance of linguistic features, cases of the manifestation of interference at the level of morphology which further indicate the methods and ways of resolving the emerging difficulties of mastering a foreign language.

Materials and Methods. The factual material was obtained as a result of many years of educational and pedagogical activity in the classroom in the Hungarian and Finnish languages with students of the Philological Faculty of National Research Mordovian State University majoring in "Philology", track "Foreign philology: Hungarian / Finnish, English languages and literature". The main research methods are theoretical (the study of scientific and methodological literature on the problem under study), comparative (in the analysis of the morphological system of the Hungarian / Finnish and Mordovian languages), as well as the methods of generalization and observation, widely used for this kind of research.

Results and Discussion. In the article, as a result of the study, the types of bilingualism are presented, the criteria for identifying the types of bilingualism, based on the existing classifications, are determined, the type of Mordovian-Russian bilingualism of the students of the studied group is determined. In the course of the analysis, it was found that when studying the morphological system of the Finnish and Hungarian languages in the written and oral speech of bilingual students, the influence of both the native (Erzyan / Mokshan) and Russian languages (when mastering some local cases, conditional, etc.) is observed. The presented examples are proof of the manifestation of interference, which appears at different linguistic levels.

Conclusion. In the course of the study it was revealed that basically all bilinguals we studied exhibit a contact type of bilingualism, when communication is constantly maintained with speakers of both their native (Moksha or Erzya) and the Russian languages. The recorded phenomena of interference indicate the influence of grammatical systems of non-native (Russian) and native (Erzyan / Mokshan) languages in mastering some morphological structures of Hungarian and Finnish languages by bilingual students. In conclusion, it is concluded that it is impossible to avoid the phenomena of interference in the process of teaching a foreign language at the first stages of learning. The revealed mistakes made by the students make it possible to determine the methods and develop a set of tasks aimed at the perception of a specific foreign language material without using the native language.

Key words: bilingualism; Mordovian-Russian bilingualism; interference; Mordovian languages; Finnish; Hungarian.

For citation: Mosina NM, Kazaeva NV, Batina SV. Features of acquiring a foreign language (Finnish, Hungarian) by bilinguals. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2020; 12; 3: 250–258. (In Russian)

REFERENCES

1. Vajnrajh U. Monolingualism and multi-lingualism. *Novoe v lingvistike* = New in linguistics. Moskva; 1972; 6: 25–60. (In Russian)
2. Vajnrajh U. Language contacts: State and problems of research. Kiev; 1979. (In Russian)
3. Karlinskij AE. Fundamentals of the theory of language interaction and the problem of

- interference. Abstract of dis. ... Ph. D. Philol. Sci. Kiev; 1980. (In Russian)
4. Majtinskaya KE. Hungarian. Part 1. Introduction. Phonetics. Morphology. Moskva; 1955. (In Russian)
 5. Mosin MV, Vodyasova LP, Mosina NM, Chinaeva NV. Didactic potential of bilingualism in teaching a foreign language. *Integraciia obrazovaniia* = Integration of education. 2017; 21; 4: 751–764. DOI: 10.15507/1991-9468.089.021.201704.751-764 (In Russian)
 6. Mosina NM. Erzyan speech of children from 3 to 7 years old (morphological and syntactic analysis). Monograph. Saransk; 2002. (In Russian)
 7. Naldeeva OI, Vodyasova LP. Formation of a value attitude towards national languages and literature in a multiethnic region. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie* = Humanities and education. 2016; 4 (28): 67–72. Available from: https://www.mordgpi.ru/upload/iblock/fc8/4_28_-_oktyabr_dekabr_.pdf (accessed 16.07.2020). (In Russian)
 8. Rozencvejk VYu. The main questions of the theory of language contacts. *Novoe v lingvistike* = New in linguistics. Moskva; 1972; 6: 5–25. (In Russian)
 9. Shcherba LV. Language system and speech activity. Leningrad; 1974. (In Russian)
 10. Language situation and language policy in the Republic of Mordovia. Monograph. Saransk; 2011. (In Russian)
 11. Ariste P. Lastekeele semasioloogist. *Eesti Keel ja Kirjandus*. 1941; 3: 200–206. (In Estonian)
 12. Vodyasova LP. The development in students concepts of language aesthetic ideal while studying stylistics. *Modern science*. 2017; 7: 132–134. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29908051> (accessed 16.07.2020). (In English)

Submitted 24.07.2020, published 26.10.2020